

Детям о войне 1941-1945

УВАЖАЕМЫЕ РОДИТЕЛИ!

Приближается праздник **9 мая**. В это году страна будет отмечать **75 годовщину Великой Победы** в Великой Отечественной Войне. Расскажите ребенку в общих чертах о начале войны, о сражениях, о победе. Чем старше ребенок, тем более конкретно можно говорить о тех событиях. Чтобы ваш сын или дочка прониклись этой темой:

- расскажите о войне на примере подвигов пионеров-героев, воспоминаний ваших бабушек и дедушек/прабабушек и прадедушек;
- рассмотрите с ребенком фотографий тех времен, репродукции картин о войне;
- прочитайте с детьми рассказы о войне, выучите стихи, познакомьте с песнями;
- сходите в музеи военной техники и посмотрите праздничный салют;
- возложите гвоздики к памятникам павших героев, подарите цветы и самодельные открытки ветеранам войны.

Со времен Великой отечественной войны прошло достаточно много времени, в живых осталось не так много ветеранов и участников той страшной войны, но подвиг советских людей всегда будет оставаться гордостью для потомков. Мы - родители, педагоги и воспитатели дошкольных учреждений должны воспитывать подрастающее поколение так, чтобы дети знали, помнили и чттили подвиг дедов и прадедов, понимали, как тяжело далась Победа, как отважно защищали свою Родину наши предки. В этой рекомендации пойдет речь о том, как правильно рассказать детям детского сада о войне 1941-1945 годов.

Зачем рассказывать детям о войне

Одним из важных этапов развития личности ребенка является его всестороннее развитие и знание истории своей страны просто обязательно. Дети дошкольного возраста очень любознательны. Но интересны им могут быть далеко не все темы, а лишь те, которые имеют практическую значимость. Конечно, родители и воспитатель должны уметь правильно подать материал, чтобы заинтересовать даже самых немотивированных детишек. Мальчишки и девчонки несколько по-разному воспринимают рассказы о войне: у мальчиков на примере героев формируется образец мужественности и смелости, у девочек – забота о близких, пострадавших. Повествования о подвигах и доблести советских людей способствует формированию у детей чувства гордости за свой народ, страну, развитию патриотизма, любви к Родине, стремлению походить на героев, защитивших нашу страну.

Проведение с детьми тематических бесед и мероприятий является важной составляющей патриотического воспитания дошкольников, формированию любви к Отечеству, которая помогает ощутить корни своего рода. Именно поэтому, чем раньше ребенок начнет чувствовать свою причастность к Родине, к родной земле, тем скорее у него будет формироваться чувство ответственности за ее будущее, будущее своей страны, своей семьи.

Родители должны тесно сотрудничать с воспитателями детских садов, чтобы при комплексном подходе не только расширить познания ребенка о войне 1941-1945 годов, но и сформировать у него правильную и четкую гражданскую позицию, воспитать уважительное отношение к старикам и ветеранам, памятникам и героям ВОВ.

Почему началась война

Объяснение дошкольникам причин войны 1941-1945 годов очень волнует и родителей, и воспитателей. Ребенок должен понять, что причины войн заключаются в желании захватить чужую, процветающую территорию или в ссоре руководителей разных стран. Но причина начала Великой отечественной войны была совершенно другой.

Правитель Германии Гитлер решил убивать людей только потому, что они имели другую национальность. Русские, поляки, евреи, французы и другие нации должны были или принять и подчиниться фашистскому режиму Германии, или умереть. Ребенку нужно объяснить, что и в самой Германии проживали люди разных национальностей, к которым жестокие репрессии были применены в первую очередь. Многие страны, которые были не в состоянии противостоять Гитлеру по каким-либо причинам, сдались. Германия напала на нашу страну внезапно, ранним утром, когда все люди мирно спали. Но русские отказались подчиняться фашистам, вступили с немцами в неравную схватку, и, благодаря отважности и решимости, одержали победу над врагом. Русские почти 4 года защищали свою Землю, свою Родину, детей, жен, родителей, свое Отечество, поэтому войну 1941-1945 годов назвали Великой Отечественной.

Военные профессии

Рассказывая дошкольникам о войне, следует упомянуть и о военных профессиях. Дети должны понимать, что помимо учителей, врачей, продавцов и прочих, есть категория людей, которые занимаются разработкой тактик и стратегий, боевой техники и оружия. В мирное время представители военных профессий готовят новобранцев и пополняют командный состав, занимаются разработками боевой техники и заданий, а во время войны они становятся командующими: генералы, маршалы и прочие.

К военным профессиям относят профессии летчиков, моряков, врачей, медсестер, связистов и другие. Управление боевой техники осуществлялось так же хорошо обученными и подготовленными людьми. Те, кто остался в тылу, тоже помогали армии. Женщины, дети и старики работали на полях, фабриках, заводах, выращивали продукты, шили форму, готовили запасные части для техники, выпускали танки, самолеты и многое другое. Рассказывая дошкольникам о Великой отечественной войне, следует упомянуть о том, какое это было сложное и тяжелое время даже для тех, кто оставался в тылу, не говоря уже о тех, кто сражался на линии фронта. Как голодали люди, прятались в бомбоубежищах от бомбежек, как фашисты захватывали деревни и издевались над пленными, как подрывали дома.

Пионеры-герои

Детям дошкольного возраста будет интересно узнать о героических детях, которые тоже сражались с врагом во времена войны. Они, не боясь расправы фашистов, помогали советской армии и стране победить. До войны это были самые обыкновенные мальчики и девочки, к 1941 году многим еще едва исполнилось 10 лет. Во времена тяжелых испытаний они совершили настоящий подвиг, защищая свой народ, и питая ненависть к фашистам. Многие из них погибли, выполняя задание, помогая партизанам, армии, Родине.

Лара Михеенко

В начале лета 1941-го года Лара поехала на летние каникулы в деревню Печенево к дяде. Здесь ее и застала война. Как многие ее сверстницы, юная Лара начала вести опасную партизанскую жизнь.

С августа 1943 года отряд, в котором находилась Лара, активно участвовал в «рельсовой войне». Уже опытная разведчица, Лариса собирала сведения об охране мостов и возможностях их минирования. Благодаря Ларе в одной из операций кроме моста был выведен из строя еще и проходивший по нему вражеский эшелон: девочка смогла подобраться к мосту, где зажгла огнепроводный шнур прямо перед приближающимся поездом.

Глубокой осенью 1943 года Лариса с двумя партизанами пошла в деревню Игнатово на разведку. Они тайно остановились в доме проверенного человека. Пока партизаны общались с хозяйкой дома, Лариса оставалась снаружи для наблюдения. Как выяснится позже, их предал кто-то из местных жителей... Внезапно появились враги, и Лара успела предупредить об этом друзей. Но силы были не равны — в бою были убиты оба партизана, а Ларису схватили, чтобы повести на допрос. В пальто у девочки оставалась ручная граната, она бросила ее в фашистов... Но граната не взорвалась.

4 ноября 1943 года Лариса Дорофеевна Михеенко после жестокого допроса, сопровождавшегося пытками и издевательствами, была расстреляна.

Аркадий Каманин

Он был самым молодым лётчиком Второй мировой войны. Начав путь с механика на авиационном заводе в 1941, он начал летать, наотрез отказавшись отправляться в тыл, когда ему было всего 14 лет. Перед глазами у мальчика был пример отца — известного лётчика, Героя Советского Союза военачальника Н. П. Каманина.

Аркадия, самого младшего из пилотов, получившего прозвище «Летунок», берегли, как могли. Но война есть война, и генерал Каманин отдавал приказы сержанту Каманину, отправляя его в полёты, каждый из которых мог оказаться последним. Мальчик летал в штабы дивизий, на командные пункты полков, передавал питание партизанам.

Первую награду подростку вручили в 15 лет — это был орден Красной Звезды. Аркадий спас пилота штурмовика Ил-2, разбившегося на нейтральной полосе. Немцы готовили вылазку, намереваясь взять в плен лётчиков, однако советские пехотинцы прикрыли Аркадия огнём. Позднее его наградили также орденом Красного Знамени.

Мальчик умер в 18 лет от менингита. За свою короткую жизнь он совершил более 650 вылетов и налетал 283 часа.

Шура Кобер Витя Хоменко

Шура Кобер, поэтичный, мечтательный, любил игру на скрипке. А озорной Витя хотел стать моряком. Мало кто из его ровесников прыгал, как он, с самого верха вышки в Яхт-клубе, переплывал реку по несколько раз подряд. Учился он тоже хорошо. Но особенно удавался мальчику немецкий язык...

Когда их город, Николаев, что на юге Украины, заняли оккупанты, Витя устроился в гестаповскую столовую «Ост». Он усердно мыл посуду и любезно обслуживал офицеров, а потом доносил до партизан выболтанные ценные сведения.

Вместе с Шурой Кобером Витя получил задание перейти линию фронта, чтобы передать в Москву секретные документы. Добирались пешком, тайком в немецких эшелонах, на лодках и вплавь... Возвращались на самолете с радисткой Лидией Бриткиной.

Их парашюты опустились в ночь на 9 октября 1942 года в десятках километров от Николаева. Одновременно были сброшены парашюты со взрывчаткой, оружием, радиопередатчиком. Витя скорее отправился к своим, в штаб, а Шура и Лида поспешно прятали груз и другие улики. Но один из парашютов отнесло далеко в сторону, и наутро его обнаружили гитлеровцы. Началось расследование, в штаб партизан был внедрен провокатор-предатель... Холодной ноябрьской ночью мальчиков арестовали.

После десяти дней безуспешных допросов и пыток, они были повешены на Базарной площади.

Надя Богданова

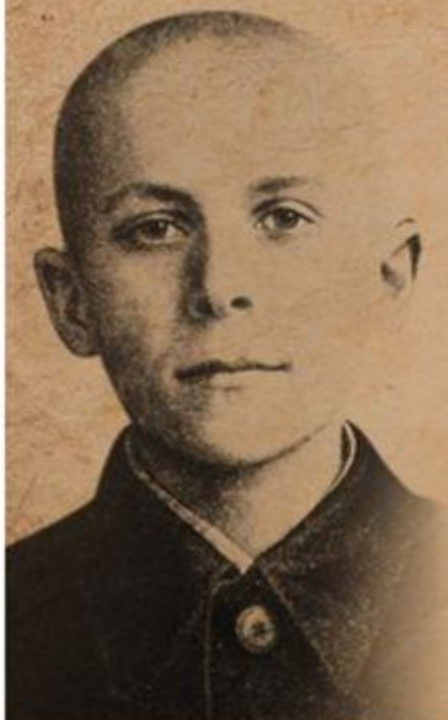
Её дважды казнили гитлеровцы, и боевые друзья долгие годы считали Надю погибшей...

В это трудно поверить, но, когда она стала разведчицей в партизанском отряде "дяди Вани" Дьячкова, ей не было ещё и десяти лет. Маленькая, худенькая, она, прикидываясь нищенкой, бродила среди фашистов, всё подмечая, и приносила в отряд ценнейшие сведения.

В первый раз её схватили в 1941 году, когда вместе с Ваней Звонцовым она вывесила красный флаг в оккупированном врагом Витебске. Били шомполами, пытали, а когда привели ко рву расстреливать, сил у неё уже не оставалось — она упала в ров, на мгновение опередив пулю. Ваня погиб, а Надю партизаны нашли во рву живой... Второй раз её схватили в конце 43-го. И снова пытки: обливали на морозе ледяной водой, выжигали на спине пятиконечную звезду, но она не раскрыла врагам никаких сведений. Считая разведчицу мёртвой, гитлеровцы, когда партизаны атаковали Карасево, бросили её в снег. Умиравшую девочку подобрала и выходила местные жители. Но воевать ей было уже нельзя, она практически потеряла способность видеть.

По окончании войны Надя несколько лет пролежала в Одесском госпитале, где академик В.П.Филатов возвращал ей зрение.

Марат Казей

Он был в 13-летнем возрасте, когда умерла его мать, а они с сестрой пошли в партизанский отряд. Маму, Анну Казей, в Минске немцы повесили за то, что она прятала у себя раненых партизан и лечила их.

Сестру Марата, Ариадну, пришлось эвакуировать — девочка отморозила обе ноги, когда партизанский отряд выходил из окружения, и их пришлось ампутировать. Однако мальчик отказался от эвакуации и остался в строю, чтобы мстить за убитую мать, за искалеченную сестру, за поруганную Родину...

В мае 1944 года уже вовсю готовилась операция «Багратион», которая принесла Белоруссии свободу от гитлеровского ига. Но Марату не суждено было этого увидеть.

11 мая у деревни Хоромицкие разведгруппу партизан обнаружили гитлеровцы. Напарник Марата погиб сразу, а сам он вступил в бой. Немцы взяли его в «кольцо», рассчитывая захватить юного партизана живым. Когда кончились патроны, мальчик подорвал себя гранатой, чтобы не сдаваться в плен и не навлечь беду на жителей близлежащей деревни.

Володя Дубинин

Мальчику было 14 лет, когда грянула Отечественная война. Его отец добровольцем ушел на флот, а Володя остался с матерью в Керчи, городе в восточном Крыму.

Когда город захватили фашистские войска, они с партизанами ушли в Старокарантинские подземные каменоломни, а фашисты стали блокировать все найденные входы из катакомб, заливая их цементом. Только дети могли пролезть в остающиеся узкие щели, чтобы принести командованию сведения о враге извне. Причем Володя был самым маленьким по физическим параметрам, и настало время, когда выходить из каменоломен мог только он один.

В декабре 1941 г немцы решили затопить каменоломни вместе с находящимися внутри людьми. Володя Дубинин сумел раздобыть эту информацию, и вовремя предупредить товарищей о грозящей им опасности буквально за несколько часов до начала карательной операции. Спешно соорудив плотины, бойцы перекрыли вход воде, находясь в ней уже по пояс.

Погиб Володя, подорвавшись на сети минных полей, которыми немцы окружили каменоломни.

Вася Курка

Пленный офицер вермахта на допросе показал: немецкому командованию известно, "что среди советских частей генерала Гречко имеется сверхснайпер, снайпер - ас, у которого тело чуть ли не сплослось с винтовкой". Это был шестнадцатилетний Вася Курка, уничтоживший прицельным огнем 179 врагов, из них около 80 немецких офицеров.

Щуплый светловолосый мальчишка прибыл в свой полк, когда шли суровые бои за Донецкий бассейн. Отправленный в тыл, Курка брался за любую работу, а в апреле 1942-го Вася успросил командование полка, чтобы ему было позволено стать курсантом школы снайперов... Он открыл свой боевой счет 9 мая, и начал путь одного из самых результативных советских стрелков, в итоге ставшего командиром стрелкового взвода, обладателем орденов Красного Знамени и Красной Звезды, медали «За оборону Кавказа» и именной снайперской винтовки.

Ас лично подготовил 59 снайперов, которые истребили свыше 600 оккупантов. Кроме того, Василий Курка успешно ходил в разведку. Маленький рост, сообразительность и железная выдержка позволяли ему пробираться там, где, казалось бы, пройти было просто невозможно.

В январе 1945 года Василий Курка погиб, получив ранение в голову, выглянув из траншеи в момент интенсивной перестрелки.

Советы родителям

В России практически нет ни одной семьи, которую бы не затронула война. У кого-то воевали деды, прадеды, бабушки и прабабушки, кто-то работал в тылу, чтобы обеспечить советскую армию всем необходимым на фронте. В те далекие и тяжелые годы не было практически ни одного равнодушного человека к судьбе нашей Родины. Говорить с дошкольником о войне нужно простым, понятным и доступным для него языком. Маленькому ребенку будет сложно переосмыслить большой объем информации, поэтому не надо стараться сразу рассказать ему о войне все. Например, о военной технике и оружии лучше побеседовать после посещения музея, когда ребенок сможет увидеть все своими глазами. О героизме и доблести воинов можно поговорить с малышом у памятника или в сквере воинской славы. О подвиге солдат и благодарности за мирное небо можно побеседовать вовремя творческих занятий по рисованию, при подготовке поделок ко Дню Победы.

Если в вашей семье были или еще живы фронтовики, кто-то из родных во время войны работал в тылу, обязательно расскажите о них ребенку. Если есть возможность, пусть ребенок сам пообщается с очевидцами того времени, узнает о той сложной жизни, страшной доле, которая выпала на их плачи. Покажите ребенку награды, которыми был награжден ваш родственник, поделитесь с ним воспоминаниями о том времени. Такие беседы надолго останутся в памяти малыша.

На формировании правильной и четкой гражданской позиции дошкольника положительно скажется и чтение соответствующей литературы. Родители могут сводить ребенка в библиотеку и вместе выбрать книги о подвигах, битвах, блокадах, полководцах Великой отечественной войны, ориентируясь на возраст ребенка. В выходной день можно всей семьей посетить музей или отправиться в путешествие в какой-либо город-герой, посмотреть местные достопримечательности военной направленности. Возлагая цветы к памятникам боевой славы, расскажите ребенку, с какой целью это делается, почтите память павших минутой молчания. Малыш должен знать, что все они защищали Родину (и его тоже) от фашизма.

Почитайте детям рассказы о войне.

Л. Кассиль.

Памятник советскому солдату.

Долго шла война.

Начали наши войска наступать по вражеской земле. Фашистам уже дальше и бежать некуда. Засели они в главном немецком городе Берлине.

Ударили наши войска на Берлин. Начался последний бой войны. Как ни отбивались фашисты - не устояли. Стали брать солдаты Советской Армии в Берлине улицу за улицей, дом за домом. А фашисты всё не сдаются.

И вдруг увидел один солдат наш, добрая душа, во время боя на улице маленькую немецкую девочку. Видно, отстала от своих. А те с перепугу о ней забыли... Осталась бедняга одна-одинёшенька посреди улицы. А деваться ей некуда. Кругом бой идёт. Изю всех окон огонь полыхает, бомбы рвутся, дома рушатся, со всех сторон пули свистят. Вот-вот камнем задавит, осколком пришибёт... Видит наш солдат - пропадает девчонка... «Ах ты, горюха, куда же тебя это занесло, неладную!..»

Бросился солдат через улицу под самые пули, подхватил на руки немецкую девочку, прикрыл её своим плечом от огня и вынес из боя.

А скоро и бойцы наши уже подняли красный флаг над самым главным домом немецкой столицы.

Сдались фашисты. И война кончилась. Мы победили. Начался мир.

И построили теперь в городе Берлине огромный памятник. Высоко над домами, на зелёном холме стоит богатырь из камня - солдат Советской Армии. В одной руке у него тяжёлый меч, которым он сразил врагов-фашистов, а в другой - маленькая девочка. Прижалась она к широкому плечу советского солдата. Спас её солдат от гибели, уберёт от фашистов всех на свете детей и грозно смотрит сегодня с высоты, не собираются ли злые враги снова затеять войну и нарушить мир.

Сергей Алексеев.

Первая колонна.

(рассказы Сергея Алексеева о Ленинградцах и подвиге Ленинграда).

В 1941 году фашисты блокировали Ленинград. Отрезали город от всей страны. Попастъ в Ленинград можно было лишь по воде, по Ладожскому озеру.

В ноябре наступили морозы. Замёрзла, остановилась водяная дорога.

Остановилась дорога — значит, не будет подвоза продуктов, значит, не будет подвоза горючего, не будет подвоза боеприпасов. Как воздух, как кислород нужна Ленинграду дорога.

— Будет дорога! — сказали люди.

Замёрзнет Ладожское озеро, покроется крепким льдом Ладога (так сокращённо называют Ладожское озеро). Вот по льду и пройдёт дорога.

Не каждый верил в такую дорогу. Непокойна, капризна Ладога. Забушуют метели, пронесётся над озером пронзительный ветер — сиверик, — появятся на льду озера трещины и промоины. Ломает Ладога свою ледяную броню. Даже самые сильные морозы не могут полностью сковать Ладожское озеро.

Капризно, коварно Ладожское озеро. И всё же выхода нет другого. Кругом фашисты. Только здесь, по Ладожскому озеру, и может пройти в Ленинград дорога.

Труднейшие дни в Ленинграде. Прекратилось сообщение с Ленинградом. Ожидают люди, когда лёд на Ладожском озере станет достаточно крепким. А это не день, не два. Смотрят на лёд, на озеро. Толщину измеряют льда. Рыбаки-старожилы тоже следят за озером. Как там на Ладоге лёд?

— Растёт.

— Нарастает.

— Силу берёт.

Волнуются люди, торопят время.

— Быстрее, быстрее, — кричат Ладоге. — Эй, не ленись, мороз!

Приехали к Ладожскому озеру учёные-гидрологи (это те, кто изучает воду и лёд), прибыли строители и армейские командиры. Первыми решили пройти по неокрепшему льду.

Прошли гидрологи — выдержал лёд.

Прошли строители — выдержал лёд.

Майор Можаяев, командир дорожно-эксплуатационного полка, верхом на коне проехал — выдержал лёд.

Конный обоз прошагал по льду. Уцелели в дороге сани.

Генерал Лагунов — один из командиров Ленинградского фронта — на легковой машине по льду проехал. Потрещал, поскрипел, посердился лёд, но пропустил машину.

22 ноября 1941 года по всё ещё полностью не окрепшему льду Ладожского озера пошла первая автомобильная колонна. 60 грузовых машин было в колонне. Отсюда, с западного берега, со стороны Ленинграда, ушли машины за грузами на восточный берег.

Впереди не километр, не два — двадцать семь километров ледяной дороги. Ждут на западном ленинградском берегу возвращения людей и автоколонны.

— Вернутся? Застрянут? Вернутся? Застрянут?

Прошли сутки. И вот:

— Едут!

Верно, идут машины, возвращается автоколонна. В кузове каждой из машин по три, по четыре мешка с мукой. Больше пока не брали. Некрепок лёд. Правда, на буксирах машины тянули сани. В санях тоже лежали мешки с мукой, по два, по три.

С этого дня и началось постоянное движение по льду Ладожского озера. Вскоре ударили сильные морозы. Лёд окреп. Теперь уже каждый грузовик брал по 20, по 30 мешков с мукой. Перевозили по льду и другие тяжёлые грузы.

Нелёгкой была дорога. Не всегда здесь удачи были. Ломался лёд под напором ветра. Тонули порой машины. Фашистские самолёты бомбили колонны с воздуха. И снова наши несли потери. Застывали в пути моторы. Замерзали на льду шофёры. И всё же ни днём, ни ночью, ни в метель, ни в самый лютый мороз не переставала работать ледовая дорога через Ладожское озеро.

Стояли самые тяжёлые дни Ленинграда. Остановись дорога — смерть Ленинграду.

Не остановилась дорога. «Дорогой жизни» ленинградцы её назвали.

Сергей Алексеев.

Таня Савичева.

Голод смертью идёт по городу. Не вмещают погибших ленинградские кладбища. Люди умирали у станков. Умирали на улицах. Ночью ложились спать и утром не просыпались. Более 600 тысяч человек скончалось от голода в Ленинграде. Среди ленинградских домов поднимался и этот дом. Это дом Савичевых. Над листками записной книжки склонилась девочка. Зовут её Таня. Таня Савичева ведёт дневник.

Записная книжка с алфавитом. Таня открывает страничку с буквой «Ж». Пишет:

«Женя умерла 28 декабря в 12.30 час. утра. 1941 г.».

Женя — это сестра Тани.

Вскоре Таня снова садится за свой дневник. Открывает страничку с буквой «Б». Пишет:

«Бабушка умерла 25 янв. в 3 ч. дня 1942 г.». Новая страница из Таниного дневника. Страница на букву «Л». Читаем:

«Лека умер 17 марта в 5 ч. утра 1942 г.». Лека — это брат Тани.

Ещё одна страница из дневника Тани. Страница на букву «В». Читаем:

«Дядя Вася умер 13 апр. в 2 ч. ночи. 1942 год». Ещё одна страница. Тоже на букву «Л». Но написано на оборотной стороне листка: «Дядя Лёша. 10 мая в 4 ч. дня 1942». Вот страница с буквой «М». Читаем: «Мама 13 мая в 7 ч. 30 мин. утра 1942». Долго сидит над дневником Таня. Затем открывает страницу с буквой «С». Пишет: «Савичевы умерли».

Открывает страницу на букву «У». Уточняет: «Умерли все».

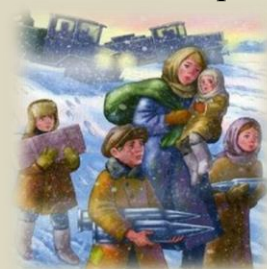
Посидела. Посмотрела на дневник. Открыла страницу на букву «О». Написала: «Осталась одна Таня».

Таню спасли от голодной смерти. Вывезли девочку из Ленинграда.

Но не долго прожила Таня. От голода, стужи, потери близких подорвалось её здоровье. Не стало и Тани Савичевой. Скончалась Таня. Дневник остался. «Смерть фашистам!» — кричит дневник.

Сергей Алексеев

Шуба.

Группу ленинградских детей вывозили из осаждённого фашистами Ленинграда «Дорогой жизни». Тронулась в путь машина.

Январь. Мороз. Ветер студёный хлещет. Сидит за баранкой шофёр Коряков. Точно ведёт полоторку.

Прижались друг к другу в машине дети. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. А вот и ещё один. Самый маленький, самый щупленький. Все ребята худы-худы, как детские тонкие книжки. А этот и вовсе тощ, как страничка из этой книжки.

Из разных мест собрались ребята. Кто с Охты, кто с Нарвской, кто с Выборгской стороны, кто с острова Кировского, кто с Васильевского. А этот, представьте, с проспекта Невского. Невский проспект — это центральная, главная улица Ленинграда. Жил мальчонка здесь с папой, с мамой. Ударил снаряд, не стало родителей. Да и другие, те, что едут сейчас в машине, тоже остались без мам, без пап. Погибли и их родители. Кто умер от голода, кто под бомбу попал фашистскую, кто был придавлен рухнувшим домом, кому жизнь оборвал снаряд. Остались ребята совсем одинокими. Сопровождает их тётя Оля. Тётя Оля сама подросток. Неполных пятнадцать лет.

Едут ребята. Прижались друг к другу. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. В самой серёдке — кроха. Едут ребята. Январь. Мороз. Продувает детей на ветру. Обхватила руками их тётя Оля. От этих тёплых рук кажется всем теплее.

Идёт по январскому льду полуторка. Справа и слева застыла Ладога. Всё сильнее, сильнее мороз над Ладогой. Коченеют ребячьи спины. Не дети сидят — сосульки.

Вот бы сейчас меховую шубу.

И вдруг... Затормозила, остановилась полуторка. Вышел из кабины шофёр Коряков. Снял с себя тёплый солдатский овчинный тулуп. Подбросил Оле, кричит: . — Лови!

Подхватила Оля овчинный тулуп:

— Да как же вы... Да, право, мы...

— Бери, бери! — прокричал Коряков и прыгнул в свою кабину.

Смотрят ребята — шуба! От одного вида её теплее.

Сел шофёр на своё шофёрское место. Тронулась вновь машина. Укрыла тётя Оля ребят овчинным тулупом. Ещё теснее прижались друг к другу дети. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. В самой серёдке — кроха. Большим оказался тулуп и добрым. Побежало тепло по ребячьим спинам.

Довёз Коряков ребят до восточного берега Ладожского озера, доставил в посёлок Кобона. Отсюда, из Кобоны, предстоял им ещё далёкий- далёкий путь. Простился Коряков с тётей Олей. Начал прощаться с ребятами. Держит в руках тулуп. Смотрит на тулуп, на ребят. Эх бы ребятам тулуп в дорогу... Так ведь казённый, не свой тулуп. Начальство голову сразу снимет. Смотрит шофёр на ребят, на тулуп. И вдруг...

— Эх, была не была! — махнул Коряков рукой.

Поехал дальше тулуп овчинный.

Не ругало его начальство. Новую шубу выдало.

"Арбузный переулочек" Виктор Драгунский

Рассказ для детей

Я пришел со двора после футбола усталый и грязный как не знаю кто. Мне было весело, потому что мы выиграли у дома номер пять со счетом 44:37. В ванной, слава богу, никого не было. Я быстро сполоснул руки, побежал в комнату и сел за стол. Я сказал:

- Я, мама, сейчас быка съест могу.

Она улыбнулась.

- Живого быка? - сказала она.

- Ага, - сказал я, - живого, с копытами и ноздрями!

Мама сейчас же вышла и через секунду вернулась с тарелкой в руках. Тарелка так славно дымилась, и я сразу догадался, что в ней рассольник. Мама поставила тарелку передо мной.

- Ешь! - сказала мама.

Но это была лапша. Молочная. Вся в пенках. Это почти то же самое, что манная каша. В каше обязательно комки, а в лапше обязательно пенки. Я просто умираю, как только вижу пенки, не то чтобы есть. Я сказал:

- Я не буду лапшу!

Мама сказала:

- Безо всяких разговоров!

- Там пенки!

Мама сказала:

- Ты меня вгонишь в гроб! Какие пенки? Ты на кого похож? Ты вылитый Кощей!

Я сказал:

- Лучше убей меня!

Но мама вся прямо покраснела и хлопнула ладонью по столу:

- Это ты меня убиваешь!

И тут вошел папа. Он посмотрел на нас и спросил:

- О чем тут диспут? О чем такой жаркий спор?

Мама сказала:

- Полюбуйся! Не хочет есть. Парню скоро одиннадцать лет, а он, как девочка, капризничает.

Мне скоро девять. Но мама всегда говорит, что мне скоро одиннадцать. Когда мне было восемь лет, она говорила, что мне скоро десять. Папа сказал:

- А почему не хочет? Что, суп пригорел или пересолен?

Я сказал:

- Это лапша, а в ней пенки...

Папа покачал головой:

- Ах вот оно что! Его высокоблагородие фон барон Кутькин-Путькин не хочет есть молочную лапшу! Ему, наверно, надо подать марципаны на серебряном подносе! Я засмеялся, потому что я люблю, когда папа шутит.

- Это что такое - марципаны?

- Я не знаю, - сказал папа, - наверно, что-нибудь сладенькое и пахнет одеколоном. Специально для фон барона Кутькина-Путькина!.. А ну давай ешь лапшу!

- Да ведь пенки же!

- Заелся ты, братец, вот что! - сказал папа и обернулся к маме. - Возьми у него лапшу, - сказал он, - а то мне просто противно! Кашу он не хочет, лапшу он не может!.. Капризы какие! Терпеть не могу!..

Он сел на стул и стал смотреть на меня. Лицо у него было такое, как будто я ему чужой. Он ничего не говорил, а только вот так смотрел - по-чужому. И я сразу перестал улыбаться - я понял, что шутки уже кончились. А папа долго так молчал, и мы все так молчали, а потом он сказал, и как будто не мне и не маме, а так кому-то, кто его друг:

- Нет, я, наверно, никогда не забуду эту ужасную осень, - сказал папа, - как невесело, неуютно тогда было в Москве... Война, фашисты рвутся к городу. Холодно, голодно, взрослые все ходят нахмуренные, радио слушают ежечасно... Ну, все понятно, не правда ли? Мне тогда лет одиннадцать-двенадцать было, и, главное, я тогда очень быстро рос, тянулся кверху, и мне все время ужасно есть хотелось. Мне совершенно не хватало еды. Я всегда просил хлеба у родителей, но у них не было лишнего, и они мне отдавали свой, а мне и этого не хватало. И я ложился спать голодный, и во сне я видел хлеб. Да что... У всех так было. История известная. Писано-переписано, читано-перечитано...

И вот однажды иду я по маленькому переулку, недалеко от нашего дома, и вдруг вижу - стоит здоровенный грузовик, доверху заваленный арбузами. Я даже не знаю, как они в Москву попали. Какие-то заблудшие арбузы. Наверно, их привезли, чтобы по карточкам выдавать. И наверху в машине стоит дядька, худой такой, небритый и беззубый, что ли, - рот у него очень втянулся. И вот он берет арбуз и кидает его своему товарищу, а тот - продавщице в белом, а та - еще кому-то четвертому... И у них это ловко так цепочкой получается: арбуз катится по конвейеру от машины до магазина. А если со стороны посмотреть - играют люди в зелено-полосатые мячики, и это очень интересная игра. Я долго так стоял и на них смотрел, и дядька, который очень худой, тоже на меня смотрел и все улыбался мне своим беззубым ртом, славный человек. Но потом я устал стоять и уже хотел было идти домой, как вдруг кто-то в их цепочке ошибся, загляделся, что ли, или просто промахнулся, и пожалуйста - тррах!.. Тяжеленный арбузище вдруг упал на мостовую. Прямо рядом со мной. Он треснул как-то криво, вкось, и была видна белоснежная тонкая корка, а за нею такая багровая, красная мякоть с сахарными прожилками и косо поставленными косточками, как будто лукавые глазки арбуза смотрели на меня и улыбались из середики. И вот тут, когда я увидел эту чудесную мякоть и брызги арбузного сока и когда я почуял этот запах, такой свежий и сильный, только тут я понял, как мне хочется есть. Но я отвернулся и пошел домой. И не успел я отойти, вдруг слышу - зовут:

"Мальчик, мальчик!" Я оглянулся, а ко мне бежит этот мой рабочий, который беззубый, и у него в руках разбитый арбуз. Он говорит:

"На-ка, милый, арбуз-то, тащи, дома поешь!" И я не успел оглянуться, а он уже сунул мне арбуз и бежит на свое место, дальше разгружать. И я обнял арбуз и еле доволок его до дому, и позвал своего дружка Вальку, и мы с ним оба слопали этот громадный арбуз. Ах, что это была за вкуснота! Передать нельзя! Мы с Валькой отрезали большущие кусищи, во всю ширину арбуза, и когда кусали, то края арбузных ломтей задевали нас за уши, и уши у нас были мокрые, и с них капал розовый арбузный сок. И животы у нас с Валькой надулись и тоже стали похожи на арбузы. Если по такому животу щелкнуть пальцем, звон пойдет знаешь какой! Как от барабана. И об одном только мы жалели, что у нас нет хлеба, а то бы мы еще лучше наелись. Да...

Папа отвернулся и стал смотреть в окно.

- А потом еще хуже - завернула осень, - сказал он, - стало совсем холодно, с неба сыпал зимний, сухой и маленький снег, и его тут же сдувало сухим и острым ветром. И еды у нас стало совсем мало, и фашисты все шли и шли к Москве, и я все время был голодный. И теперь мне снился не только хлеб. Мне еще снились и арбузы. И однажды утром я увидел, что у меня совсем уже нет живота, он просто как будто прилип к позвоночнику, и я прямо уже ни о чем не мог думать, кроме еды. И я позвал Вальку и сказал ему:

"Пойдем, Валька, сходим в тот арбузный переулочек, может быть, там опять арбузы разгружают, и, может быть, опять один упадет, и, может быть, нам его опять подарят".

И мы закутались с ним в какие-то бабушкины платки, потому что холода был страшный, и пошли в арбузный переулочек. На улице был серый день, людей было мало, и в Москве тихо было, не то что сейчас. В арбузном переулочке и вовсе никого не было, и мы стали против магазинных дверей и ждем, когда же придет грузовик с арбузами. И уже стало совсем темно, а он все не приезжал. Я сказал:

"Наверно, завтра приедет..."

"Да, - сказал Валька, - наверно, завтра".

И мы поили с ним домой. А назавтра снова пошли в переулочек, и снова напрасно. И мы каждый день так ходили и ждали, но грузовик не приехал...

Папа замолчал. Он смотрел в окно, и глаза у него были такие, как будто он видит что-то такое, чего ни я, ни мама не видим. Мама подошла к нему, но папа сразу встал и вышел из комнаты. Мама пошла за ним. А я остался один. Я сидел и тоже смотрел в окно, куда смотрел папа, и мне показалось, что я прямо вот вижу папу и его товарища, как они дрогнут и ждут. Ветер по ним бьет, и снег тоже, а они дрогнут и ждут, и ждут, и ждут... И мне от этого просто жутко сделалось, и я прямо вцепился в свою тарелку и быстро, ложка за ложкой, выхлебал ее всю, и наклонил потом к себе, и выпил остатки, и хлебом обтер доньшко, и ложку облизал.

Паустовский Константин Георгиевич «Стальное колечко»

Дед Кузьма жил со своей внучкой Варюшей в деревушке Моховое, у самого леса.

Зима выдалась суровая, с сильным ветром и снегом. За всю зиму ни разу не потеплело и не закапала с тесовых крыш суетливая талая вода. Ночью в лесу выли продрогшие волки. Дед Кузьма говорил, что они воют от зависти к людям: волку тоже охота пожить в избе, почесаться и полежать у печки, отогреть заледенелую косматую шкуру.

Среди зимы у деда вышла махорка. Дед сильно кашлял, жаловался на слабое здоровье и говорил, что если бы затянуться разок-другой – ему бы сразу полегчало.

В воскресенье Варюша пошла за махоркой для деда в соседнее село Переборы. Мимо села проходила железная дорога. Варюша купила махорки, завязала ее в ситцевый мешочек и пошла на

станцию посмотреть на поезда. В Переборах они останавливались редко. Почти всегда они проносились мимо с лязгом и грохотом.

На платформе сидели два бойца. Один был бородатый, с веселым серым глазом. Заревел паровоз. Было уже видно, как он, весь в пару, яростно рвется к станции из дальнего черного леса.

– Скорый! – сказал боец с бородой. – Смотри, девчонка, сдует тебя поездом. Улетишь под небеса.

Паровоз с размаху налетел на станцию. Снег завертелся и залепил глаза. Потом пошли перестукиваться, догонять друг друга колеса. Варюша схватилась за фонарный столб и закрыла глаза: как бы и вправду ее не подняло над землей и не утащило за поездом. Когда поезд пронесся, а снежная пыль еще вертелась в воздухе и садилась на землю, бородатый боец спросил Варюшу:

– Это что у тебя в мешочке? Не махорка?

– Махорка, – ответила Варюша.

– Может, продашь? Курить большая охота.

– Дед Кузьма не велит продавать, – строго ответила Варюша. – Это ему от кашля.

– Эх ты, – сказал боец, – цветок-лепесток в валенках! Больно серьезная!

– А ты так возьми сколько надо, – сказала Варюша и протянула бойцу мешочек. – Покури!

Боец отсыпал в карман шинели добрую горсть махорки, скрутил толстую цыгарку, закурил, взял Варюшу за подбородок и посмотрел, посмеиваясь, в ее синие глаза.

– Эх ты, – повторил он, – анютины глазки с косичками! Чем же мне тебя отблагодарить? Разве вот этим?

Боец достал из кармана шинели маленькое стальное колечко, сдул с него крошки махорки и соли, потер о рукав шинели и надел Варюше на средний палец:

– Носи на здоровье! Этот перстенок совершенно чудесный. Гляди, как горит!

– А отчего он, дяденька, такой чудесный? – спросила, раскрасневшись, Варюша.

– А оттого, – ответил боец, – что ежели будешь носить его на среднем пальце, принесет он здоровье. И тебе и деду Кузьме. А наденешь его вот на этот, на безымянный, – боец потянул Варюшу за озябший, красный палец, – будет у тебя большущая радость. Или, к примеру, захочется тебе посмотреть белый свет со всеми его чудесами. Надень перстенок на указательный палец – непременно увидишь!

– Будто? – спросила Варюша.

– А ты ему верь, – прогудел другой боец из-под поднятого ворота шинели. – Он колдун. Слыхала такое слово?

– Слыхала.

– Ну то-то! – засмеялся боец. – Он старый сапер. Его даже мина не брала!

– Спасибо! – сказала Варюша и побежала к себе в Моховое. Сорвался ветер, посыпался густой-прегустой снег. Варюша все трогала

колечко, повертывала его и смотрела, как оно блестит от зимнего света.

«Что ж боец позабыл мне сказать про мизинец? – подумала она. – Что будет тогда? Дай-ка я надену колечко на мизинец, попробую». Она надела колечко на мизинец. Он был худенький, колечко на нем не удержалось, упало в глубокий снег около тропинки и сразу нырнуло на самое снежное дно.

Варюша охнула и начала разгребать снег руками. Но колечка не было. Пальцы у Варюши посинели. Их так свело от мороза, что они уже не сгибались. Варюша заплакала. Пропало колечко! Значит, не будет теперь здоровья деду Кузьме, и не будет у нее большущей радости, и не увидит она белый свет со всеми его чудесами. Варюша воткнула в снег, в том месте, где уронила колечко, старую еловую ветку и пошла домой. Она вытирала слезы варежкой, но они все равно набегали и замерзали, и от этого было колко и больно глазам.

Дед Кузьма обрадовался махорке, задымил всю избу, а про колечко сказал: – Ты не горюй, дочурка! Где упало – там и валяется. Ты Сидора попроси. Он тебе сыщет. Старый воробей Сидор спал на шестке, раздувшись, как шарик. Всю зиму Сидор жил в избе у Кузьмы самостоятельно, как хозяин. С характером своим он заставлял считаться не только Варюшу, но и самого деда. Кашу он склевывал прямо из мисок, а хлеб старался вырвать из рук и, когда его отгоняли, обижался, ершился и начинал драться и чирикать так сердито, что под стреху слетались соседские воробьи, прислушивались, а потом долго шумели, осуждая Сидора за его дурной нрав. Живет в избе, в тепле, в сытости, а все ему мало!

На другой день Варюша поймала Сидора, завернула в платок и понесла в лес. Из-под снега торчал только самый кончик еловой ветки. Варюша посадила на ветку Сидора и попросила:

– Ты поищи, поройся! Может, найдешь!

Но Сидор скосил глаз, недоверчиво посмотрел на снег и пропищал: «Ишь ты! Ишь ты! Нашла дурака!... Ишь ты, ишь ты!» – повторил Сидор, сорвался с ветки и полетел обратно в избу.

Так и не отыскалось колечко. Дед Кузьма кашлял все сильнее. К весне он залез на печку. Почти не спускался оттуда и все чаще просил попить. Варюша подавала ему в железном ковшике холодную воду.

Метели кружились над деревушкой, заносили избы. Сосны завязли в снегу, и Варюша уже не могла отыскать в лесу то место, где уронила колечко. Все чаще она, спрятавшись за печкой, тихонько плакала от жалости к деду и бранила себя.

– Дуреха! – шептала она. – Забаловалась, обронила перстенок. Вот тебе за это! Вот тебе!

Она била себя кулаком по темени, наказывала себя, а дед Кузьма спрашивал:

– С кем это ты там шумишь-то?

– С Сидором, – отвечала Варюша. – Такой стал неслух! Все норвится драться.

Однажды утром Варюша проснулась оттого, что Сидор прыгал по оконцу и стучал клювом в стекло. Варюша открыла глаза и зажмурилась. С крыши, перегоня друг друга, падали длинные капли. Горячий свет бил в оконце. Орали галки.

Варюша выглянула на улицу. Теплый ветер дунул ей в глаза, растрепал волосы.

– Вот и весна! – сказала Варюша.

Блестели черные ветки, шуршал, сползая с крыш, мокрый снег и важно и весело шумел за околицей сырой лес. Весна шла по полям как молодая хозяйка. Стоило ей только посмотреть на овраг, как в нем тотчас начинал булькать и переливаться ручей. Весна шла и звон ручьев с каждым

ее шагом становился громче и громче.

Снег в лесу потемнел. Сначала на нем выступила облетевшая за зиму коричневая хвоя. Потом появилось много сухих сучьев – их наломало бурей еще в декабре, – потом зажелтели прошлогодние палые листья, проступили проталины и на краю последних сугробов зацвели первые цветы мать-и-мачехи.

Варюша нашла в лесу старую еловую ветку – ту, что воткнула в снег, где обронила колечко, и начала осторожно отгрести старые листья, пустые шишки, накиданные дятлами, ветки, гнилой мох. Под одним черным листком блеснул огонек. Варюша вскрикнула и присела. Вот оно, сталь-нос колечко! Оно ничуть не заржавело.

Варюша схватила его, надела на средний палец и побежала домой.

Еще издали, подбегая к избе, она увидела деда Кузьму. Он вышел из избы, сидел на завалинке, и синий дым от махорки поднимался над дедом прямо к небу, будто Кузьма просыхал на весеннем солнышке и над ним курился пар.

– Ну вот, – сказал дед, – ты, вертушка, выскочила из избы, позабыла дверь затворить, и продуло всю избу легким воздухом. И сразу болезнь меня отпустила. Сейчас вот покурю, возьму колун, наготовлю дровишек, затопим мы печь и спечем ржаные лепешки.

Варюша засмеялась, погладила деда по косматым серым волосам, сказала:

– Спасибо колечку! Вылечило оно тебя, дед Кузьма.

Весь день Варюша носила колечко на среднем пальце, чтобы накрепко прогнать дедовскую болезнь. Только вечером, укладываясь спать, она сняла колечко со среднего пальца и надела его на безымянный. После этого должна была случиться большущая радость. Но она медлила, не приходила, и Варюша так и уснула, не дождавшись.

Встала она рано, оделась и вышла из избы.

Тихая и теплая заря занималась над землей. На краю неба еще догорали звезды. Варюша пошла к лесу. На опушке она остановилась. Что это звенит в лесу, будто кто-то осторожно шевелит колокольчики?

Варюша нагнулась, прислушалась и всплеснула руками: белые подснежники чуть-чуть качались, кивали заре, и каждый цветок позванивал, будто в нем сидел маленький жук кузька-звонарь и бил лапкой по серебряной паутине. На верхушке сосны ударил дятел – пять раз.

«Пять часов! – подумала Варюша. – Рань-то какая! И тишь!»

Тотчас высоко на ветвях в золотом зоревом свете запела иволга.

Варюша стояла, приоткрыв рот, слушала, улыбалась. Ее обдало сильным, теплым, ласковым ветром, и что-то прошелестело рядом. Закачалась лещина, из ореховых сережек посыпалась желтая пыльца. Кто-то прошел невидимый мимо Варюши, осторожно отводя ветки. Навстречу ему закуковала, закланялась кукушка.

«Кто же это прошел? А я и не разглядела!» – подумала Варюша.

Она не знала, что это весна прошла мимо нее.

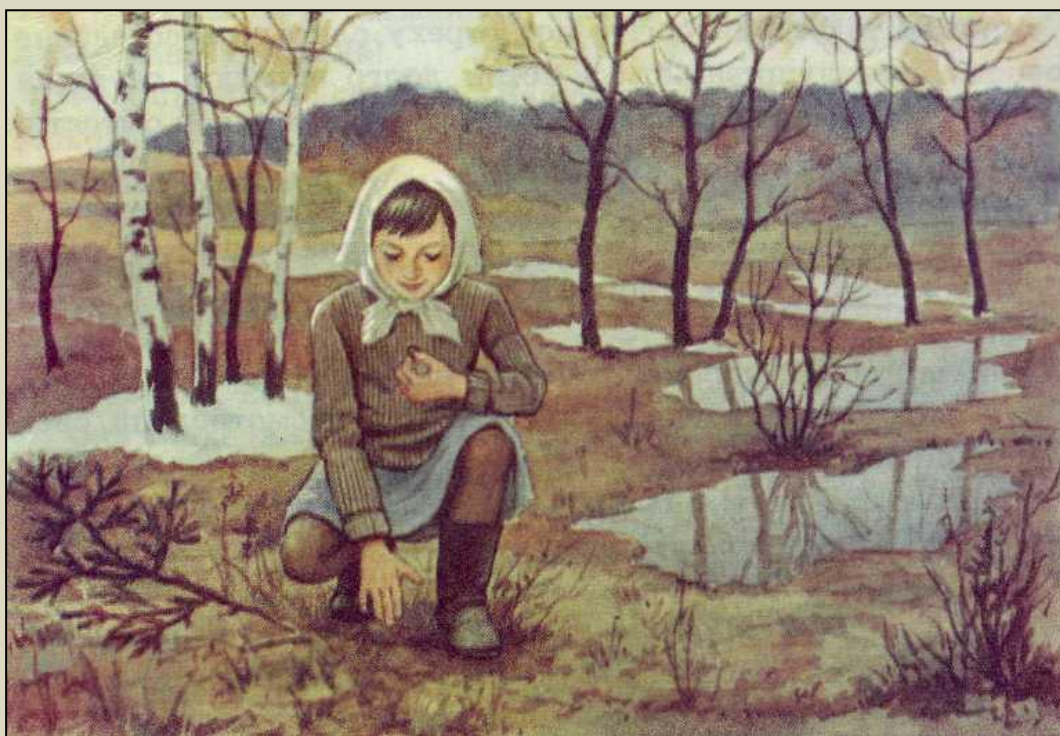
Варюша засмеялась громко, на весь лес, и побежала домой. И большущая радость – такая, что не охватишь руками, – зазвенела, запела. У нее на сердце.

Весна разгоралась с каждым днем все ярче, все веселей. Такой свет лился с неба, что глаза у деда Кузьмы стали узкие, как щелки, но все время посмеивались. А потом по лесам, по лугам, по оврагам сразу, будто кто-то брызнул на них волшебной водой, зацвели-запестрели тысячи тысяч цветов.

Варюша думала было надеть перстень на указательный палец, чтобы повидать белый свет со всеми его чудесами, но посмотрела на все эти цветы, на липкие березовые листочки, на яснее небо и жаркое солнце, послушала переключку петухов, звон воды, пересвистывание птиц над полями – и не надела перстенок на указательный палец.

«Успею, – подумала она. – Нигде на белом свете не может быть так хорошо, как у пас в Моховом. Это же прелесть что такое! Не зря ведь дед Кузьма говорит, что наша земля истинный рай и нету другой такой хорошей земли на белом свете!»

1945

В. Осеева

Валентина Александровна Осеева

Андрейка

Андрейка

Андрейке двенадцать лет. Он такой важный в своем рабочем костюме ремесленника. В его черных глазах горячая готовность на любые дела, на любой подвиг. Но таким Андрейка сделался не сразу. Над Андрейкой прошла война, и это большое событие в его маленькой жизни сделало его взрослее. Когда мальчику было семь лет, все рассказы о войне казались ему далекими и страшными сказками, а жизнь была веселая. С утра убежал Андрейка с соседскими ребятами на речку, купался и валялся в горячем песке на берегу и только тогда возвращался домой, когда раздавался звучный голос старшего брата Антона:

- Ау! Андрейка!

Встряхивая мокрой головой, он мчался на зов. Он радовался, что мать и брат уже дома, что на столе стоит миска горячего картофеля с мясом, что скоро наступят теплые летние сумерки. Мать сядет на крылечко, Андрейка примостится сбоку, а Антон приляжет на траву и будет рассказывать о своих товарищах, о работе, о новых заводских машинах и о своем станке, который он называл "сердечным другом". Андрейка видел этот станок. Как-то раз Антон взял с собой братишку на завод и показал ему свой цех. На заводе Андрейке все понравилось: и блестящий станок Антона, и широкие светлые окна цеха, и взрослые рабочие, которые спрашивали у Антона совета и слушались его. А с Андрейкой шутили, приглашая его вместе работать. Андрейка смущался, а Антон серьезно отвечал:

- Шутки шутками, а лет через пяток будет он мне помощником!

В это воскресенье Антон с утра взялся за починку забора. Он принес из сарая целую охапку досок и

начал их обстругивать. Андрейка стоял и смотрел, как из-под рубанка желтыми завитушками падают на траву стружки и доска делается гладкой, новой, светлой.

"Эк ему все удастся!" - думает Андрейка, с завистью поглядывая на брата. А брат, посвистывая, ловко перебрасывал с руки на руку дощечку, крепко упирал ее одним концом в станок и легко проводил по ней рубанком, отбрасывал стружки. Один раз он дал братишке рубанок. Андрейка покраснел от удовольствия и, чтобы не осрамиться перед братом, изо всех своих силенок врезал рубанок в доску.

- Заехал сгоряча, - спокойно сказал Антон. - Полегонечку надо - это не дрова рубить! Андрейка попробовал еще. Стружка у него завилась тоненькая, как мышинный хвостик.

- Не могу, - сказал он со вздохом.

- Пробуй, пробуй! - закричал Антон. - "Не могу" - такого слова нет, такого слова даже грудной ребенок не скажет!

- А какое слово грудной ребенок скажет? - спросила мать. Андрейка хмыкнул от удовольствия и лукаво посмотрел на брата.

- Какое слово? - переспросил Антон, поглаживая рукой доску.

- Очень простое: "Агу. Вырасту - смогу".

Мать засмеялась. Вдруг калитка громко хлопнула. По дорожке бежали товарищи Антона - Сергей и Борис. За ними, прихрамывая, торопился сын соседа Алексей. Все трое, размахивая руками, кричали:

- Включи радио, Антон!

Антон бросил на станок рубанок и побежал на террасу. Мать поспешно вытерла мокрые руки, поправила платок и присела на кончик стула. Андрейка первый вскарабкался на табуретку и включил радио.

"Граждане и гражданки Советского Союза...". Андрейка затаил дыхание и переводил глаза с брата на мать, с матери на товарищей Антона. Все слушали молча, не шевелясь. Но на всех лицах Андрейка вдруг увидел какое-то одинаково суровое, незнакомое ему выражение. Антон стоял, выпрямившись, как будто принимал боевой приказ.

* * *

Через два дня Антон уехал. Вечером перед отъездом он долго сидел с матерью на крылечке. Андрейка боком жался к нему. Брат тихонько гладил кудрявый чубик Андрейкиных волос и говорил:

- Было у матери два сына. Один с врагами дрался, а другой дома работал...

- Андрейка? - спрашивал братишка.

- Он, - серьезно отвечал Антон. - Бывало, ляжет спать пораньше, наберется за ночь сил, подрастет маленько, а утром вскочит, щепок наколет, воды принесет, в лавку сбегает, чай сварит...

Не шутил Антон. И у матери лицо было спокойное, строгое. Андрейка тихонько заложил четыре пальца и пересчитал:

- Щепок наколет, воды принесет, в лавку сбегает, чай сварит...

- ...и всякие дела за Антона справит, - досказал старший брат.
Андрейка заложил пятый палец.

- Справлю, - деловито сказал он.

* * *

И правда, на другой день Андрейка поднялся рано. В кухне стояли пустые ведра. Пока мать придет с работы, нужно все дела переделать. Как, бывало, Антон. У того все быстро. Он большие ведра с водой сразу по два приносил. Андрейке так не осилить: он берет в кухне большой чайник. Можно несколько раз сходить. И Андрейка ходит. Он несет чайник в оттопыренной руке, чтобы вода не проливалась на голые коленки, потом перекладывает его в другую руку, потом тащит обеими руками, крепко прижимая к животу. Живот у него весь мокрый, трусики прилипли к телу. Но ведра наполняются. Андрейка идет в сарай. Посвистывая, как Антон, он размахивает маленьким топориком. Сухие щепки колются легко. Андрейка собирает их в кучу и задумывается. Потом, отложив два пальца на руке, вспоминает: в лавку за хлебом надо сходить! На заборе, свесившись вниз головами, ребята давно кричат Андрейке:

- Пошли на речку купаться!

- Не... - мотает головой Андрейка, - я после...

- Да пойдем: вода сейчас теплая, горячая...

- "Пойдем, пойдем"! - передразнивает их Андрейка. - Вам бы только бегать без толку! Антон на фронте... Кто матери помогать будет?

- А у меня отец пошел, одна бабка дома, - озабоченно говорит Генька. Он потихоньку отходит от забора и кричит Андрейке: - Слышь! Не уходи без меня! Я сейчас!

* * *

Ребята давно ушли. Андрейка сидит на крылечке и ждет товарища. "Видно, дело нашлось... - думает он. - Бабка у них старая, еще старее нашей матери".
Но стриженная голова Геньки уже торчит из кустов.

- Пошли!

Они пошли вдоль Андрейкиного забора, и вдруг Андрейка остановился он увидел большую дыру. Это Антон не успел прибить новые доски. Они лежат на траве, чисто выструганные. И гвозди в коробке стоят под станком.

- Кто же вам теперь забьет-то? - спрашивает Генька.
Андрейка молча перелезает через забор и бежит в дом. Генька со вздохом присаживается на траву. Андрейка возвращается с молотком и поднимает с земли тонкую дощечку.

- Держи, чтоб ровно было! Можешь? - спрашивает он товарища.

- Могу! - говорит Генька, деловито примеривая доску.

- Держи, а я буду гвозди вбивать.

Генька долго прилаживает доску. Гвозди выскакивают из рук Андрейки, и молоток часто бьет невпопад. Но Генька терпеливо ждет, изо всех сил налегая на доску.

- Эх, вода хорошая сейчас! Слышь, ребята плещутся? - говорит он, поглядывая на солнце.

- Выкупаться успеем, - отвечает Андрейка. - А вот если у матери два сына и один воюет, так другой дома должен работать!

Под вечер Андрейка стоит на зеленом пригорке. Мокрые волосы его блестят. Прикрыв ладонью глаза, он смотрит на дорогу и, увидев мать, окликает ее:

- Ау, мама!

И кажется Андрейке, что голос у него стал совсем как у Антона, а сам он такой же крепкий, сильный и высокий, как старший брат, и от этого на маленьком подвижном лице его впервые появляется выражение готовности к подвигу.

* * *

Андрейка стоит посреди комнаты и таращит в темноту сонные глаза. Мать молча сует ему какой-то узелок, торопливо гладит по голове и, крепко схватив за руку, тащит в темные сени. Над домом что-то тяжело ухает; посуда жалобно звенит на полках; тянущий за душу вой, прерываемый диким кошачьим мяуканьем, несется из темноты. Андрейке страшно. Он цепляется за дверь.

- Не бойся... Не бойся... В убежище пойдем. Там все люди сейчас, там и Генечка с бабушкой...

Мелкий озноб охватывает Андрейку во дворе. Мать обнимает его одной рукой, и они бегут по темной улице, так крепко прижавшись друг к другу, что босые ноги Андрейки, наскоро обутые в башмаки, попадают под ноги матери. Страшное незнакомое небо разверзается над их головами: крест-накрест перетянутое широкими белыми лентами, оно все время двигается и в глубине его то далеко, то совсем близко слышно грозное гудение моторов... Иногда тонкие зажженные свечи низко свисают над землей, и вслед за ними в ушах у Андрейки что-то с грохотом лопаются. Он цепляется за колени матери, и они оба падают на землю...

- Ничего, сынок... Ничего, миленький... Это Антон фашистов бьет. Андрейка чувствует, как у матери дрожат руки, но имя Антона сразу воскрешает перед ним высокую, крепкую фигуру брата: на его широких плечах зеленая гимнастерка, а в руке настоящая винтовка...

- Антон фашистов бьет! - растерянным шепотом повторяет он. Гордость и восторг охватывают его, и теперь он сам бежит вперед, чтобы скорей поделиться этой новостью с Генькой... И в темноте сквозь грохот рвущихся снарядов, пригнувшись к земле, мать слышит его дрожащий голос:

- Ничего, ничего, мама... Это Антон фашистов бьет...

"Бомбоубежище" - новое слово для Андрейки. Но они с Генькой помогали взрослым носить кирпичи и выбрасывать землю из огромной ямы. В местечке, где живет Андрейка, нет настоящих бомбоубежищ, а то бомбоубежище, которое наскоро рыли старики, женщины и дети, похоже на большую пещеру, узкую и длинную, с земляными сиденьями по бокам. Андрейка с матерью медленно спускаются по земляной лесенке вниз и с трудом пробираются в узком проходе между сиденьями. В черной тьме Андрейка чувствует только много чьих-то ног, крепко сдвинутых коленей, слышит отрывистое дыхание и тяжелые вздохи женщин. В глубине плачет грудной ребенок, и чей-то голос все время повторяет громким шепотом:

- Тише, граждане, тише! Спокойно, спокойно...

Андрейка хочет окликнуть Геньку. Но удар за ударом сотрясают землю; кто-то из ребят начинает громко плакать; какая-то женщина протискивается к выходу, ее не пускают. И снова страшный удар...

- Не допусти господи... - шепчет чей-то старушечий голос. И в ответ на него из темноты кто-то насмешливо цедит сквозь зубы:

- Уже допустил твой господь.

Андрейка, затиснутый в угол, туго сжатый с обеих сторон людскими телами, чувствует рядом мать. Она стоит, наклонившись над ним всем телом, и, услышав низкое гуденье самолета, закрывает его собой. В полной тьме, как под черным большим платком, сбились в кучу перепуганные дети, старики и женщины. Непонятный тяжелый страх сковывает Андрейку, но он не может удержать в себе свою торжествующую новость:

- Мама, скажи им: это Антон, это наши бьют фашистов!

* * *

Андрейка никогда не забудет, как прибежал к ним Генька и, широко распахнув дверь, закричал с порога: "Отца моего убили!"; как он сел на край лавки и без слез, с ужасом и удивлением на все вопросы отвечал одним словом: "Убили... Убили!"; как утешали соседи его бабу и плакали вместе с ней.

А жизнь шла своим чередом... На завод, где работал Антон, день и ночь шли люди. Одни сменяли других для короткого отдыха. Женщины, старики и подростки заменили ушедших на фронт. Вместе со всеми работала и мать Андрейки. Соскучившись, мальчик пробирался в заводской двор и заглядывал в светлые окна цеха, где раньше работал Антон. Через стекло был виден "сердечный друг" - блестящий станок Антона. Только теперь за ним стоял Андрейкин сосед, старый мастер цеха, Матвейч. На нос его низко спускались очки. Андрейка со вздохом отворачивался от окна и представлял себе брата в рабочем комбинезоне, с синими смеющимися глазами. А мимо Андрейки сновали люди, грузили на машины какие-то ящики, что-то вносили и выносили, на ходу завтракали. Все торопились выполнять какие-то приказы, идущие из кабинета главного инженера. Этого инженера Андрейка видел только один раз, когда они с Генькой сидели около заводских ворот. Инженер был высокий, в серой шинели, с черным портфелем под мышкой. Проходя мимо, он бегло взглянул на ребят и крикнул:

- Зачем здесь?

Ребята опрометью бросились бежать.

- Ого! - только сказал Генька.

Но Андрейка, благодарный главному инженеру за то, что он заботится обо всем заводе, за то, что любимый станок Антона по-прежнему блестит в руках старого мастера, ответил Геньке коротко и ясно:

- Прогнал - значит, надо.

* * *

Никто не отрывался от своих дел. Напротив, все люди работали с упорством и ожесточением. Дела прибавилось у всех. Прибавилось и у Андрейки. Почти все свое время мать проводила на

заводе. Андрейка старательно прибирал комнату, стоял в очереди за хлебом и варил супы. В супы он крошил все, что имелось в хозяйстве, - они выходили густые и клейкие, но когда мать забегала домой поесть, она покрывала стол чистой скатертью и, разлив по тарелкам Андрейкин суп, говорила:

- Ишь ты! Вкуснота какая! Не суп, а кисель! Ложка стоит!

И Андрейка, чтобы угодить ей, старался всюю. Размешивал в кружке муку с водой, делал густую заправку и удивлялся, что когда мать сама варит суп, то у нее он получается светлый и жидкий.

В бомбоубежище ходили теперь только старики и дети. Андрейка и Генька решительно отказались сидеть во время воздушной тревоги под землей. У ребят были свои важные дела, которые они выполняли с отчаянным усердием: они тушили зажигательные бомбы. Все мальчики в поселке были заняты этим делом. Они хватали бомбы тряпками, рукавицами и бросали их в воду или засыпали песком. Пожаров не было. Один раз Андрейке и Геньке удалось словить "живую" бомбу. Растопырив руки в старых брезентовых рукавицах, они схватили ее и с торжеством швырнули в кадку с водой. Андрейка, красный от натуги, со злыми блестящими глазами, сорвал рукавицу и, подняв кулак, показал немецкому самолету кукиш:

- Вот тебе твои бомбы, видал?!

Тяжелые годы пронеслись над Андрейкой. Не раз стоял он над своим супом, придумывая, что еще можно положить в кастрюлю для густоты. Не раз делили они с матерью последний кусок хлеба и, не раздеваясь, ложились в холодную постель. Не раз сжималось сердце мальчика, когда он смотрел на осунувшуюся и постаревшую мать. Антон писал редко, и чем старше становился Андрейка, тем больше понимал, какие страшные опасности окружают его брата. Андрейка вытянулся и похудел. Но только один раз плакал он горькими мальчишескими слезами.

В тот день мать пришла рано. Старые бутсы на ее ногах отяжелели от приставшей к ним глины. Андрейка вытащил ее башмаки на двор и стал на крыльце обмывать их в светлой луже. Мать отказалась от еды и легла. Заунывный звук сирены заставил Андрейку поднять голову... И в тот же момент страшный удар потряс землю, у Андрейки зазвенело в ушах. Он покачулся и упал...

А потом, как и в первую ночь бомбежки, они с матерью, спотыкаясь, бежали к заводу. Туда бежали все с лопатами, кирками, не обращая внимания на продолжающуюся бомбежку. На бегу мать останавливалась и считала заводские трубы. Они были целы. А между тем все уже знали, что бомба упала на завод.

- Правое крыло, видать... - задыхаясь, проговорила обогнавшая их соседка.

- Антонов цех! - крикнул кто-то из ребят.

Андрейка пулей влетел в заводские ворота. И там, где в широкие светлые окна был виден блестящий станок Антона, лежала груда кирпичей и обломки железа. Не то пыль, не то дымок с каким-то едким запахом шел от этих развалин.

Андрейка громко, жалобно заплакал:

- Не уберегли... Не оборонили...

Казалось ему, что он сам тоже виноват в том, что не уберег завод, и что, вернувшись, Антон спросит его с укором:

- А где же станок мой, Андрейка?

И Андрейка бегал вокруг, громко плача и вытирая кулаком слезы. Черные от копоти Люди толпились около развалин, звенели лопаты, с темных рабочих лиц каплями бежал пот...

А Андрейка, злой, как волчонок, сжимая кулаки, грозился в тяжелое, нависшее над его головой небо, покрытое вражескими самолетами. И как бы в ответ на его детские слезы один из фашистских самолетов вдруг вспыхнул ярким белым пламенем...

Сусанна Михайловна Георгиевская

«Галина мама»

Глава первая

Есть на свете город Куйбышев. Это большой, красивый город. Улицы в нём зелёные, как сады, берега зелёные, как улицы, и дворы зелёные, как берега. Под высоким берегом течёт Волга. По Волге летом ходят пароходы и причаливают то к тому, то к другому берегу. Во время войны в городе Куйбышеве жили девочка Галя, Галина мама и Галина бабушка – их всех троих эвакуировали из Ленинграда. Галина бабушка была ничего себе, хорошая, но мама была ещё лучше. Она была молодая, весёлая и всё понимала. Она так же, как Галя, любила бегать после дождя босиком, и смотреть картинки в старых журналах, и топить печку с открытой дверкой, хотя бабушка говорила, что от этого уходит на улицу всё тепло. Целую неделю Галина мама работала. Она рисовала на прозрачной бумаге очень красивые кружки, большие и маленькие, и проводила разные линеечки – жирные или тоненькие как волосок. Это называлось «чертить».

По воскресеньям Галя и мама ездили на пароходе на другой берег Волги. Волга была большая. Плыли по ней плоты и лодки, шёл пароход, разгоняя в обе стороны длинные волны. А на берегу лежал волнистый мягкий песок, лез из воды упругий остролистый камыш с бархатными щёточками, и летали в тени стрекозы – несли по воздуху свои узкие тельца на плоских, сиявших под солнцем крыльях. Там было так хорошо, как будто совсем нигде нет никакой войны.

Вечером Галя и мама гуляли по набережной.

– Мама, машина! – кричала Галя. – Попроси!..

Галина мама медленно оборачивалась – не сидит ли у калитки бабушка. Если бабушки не было, она поднимала руку. Грузовик останавливался.

– Подвезите нас немножко, пожалуйста, – говорила мама. – Моей девочке так хочется покататься!

Люди на грузовике смеялись. Потом какой-нибудь грузчик или красноармеец, сидящий в кузове, протягивал сверху руку. Грузовик подпрыгивал на ухабах. Мама и Галя сидели в открытом кузове на мешке с картошкой или на запасном колесе, обе в ситцевых платяцах, сшитых бабушкой, и держали друг друга за руки. Галя смеялась. Когда машину подбрасывало, она кричала: «Ой, мама! Ай, мама!» Ей хотелось, чтобы видел весь двор, вся улица, весь город Куйбышев, как они с мамой катаются на машине. Машина тряслась на неровном булыжнике мостовой. Их обдавало пылью.

– Спасибо, товарищи, – говорила мама. Машина вздрагивала и останавливалась.

– Галя, скажи и ты спасибо.

– Спасибо! – кричала Галя, уже стоя на мостовой. Вверху улыбались красноармейцы.

Один раз, когда Галя с мамой гуляли по улицам города Куйбышева, они увидели, как в трамвай, идущий к вокзалу, садились пятеро молодых красноармейцев в полном снаряжении. Должно быть, они уезжали на фронт.

Красноармейцев провожали колхозницы. Колхозницы плакали и целовали своих сыновей и братьев. Вся улица вокруг них как будто притихла. Люди останавливались и молча покачивали головами. Многие женщины тихонько плакали. И вот трамвай дрогнул. Нежно звеня, покатыл он по улицам города Куйбышева. За ним побежали колхозницы, что-то крича и махая платками. Галя с мамой стояли на краю тротуара и смотрели им вслед.

– Галя, – вдруг сказала мама, – я не хотела тебе раньше говорить, но, наверно, уже пора сказать: я тоже скоро уйду на фронт.

– Уйдёшь? – спросила Галя, и глаза у неё стали круглые и мокрые. – На фронт? Без меня?

Глава вторая

А через два месяца Галя и бабушка провожали маму на фронт. На вокзале толпились люди. Бабушка подошла к пожилому военному и сказала:

– Товарищ военный, дочка моя на фронт едет. Единственная. Молоденькая совсем... Будьте уж столь любезны, если вы едете в этом поезде, не дайте её в обиду.

– Напрасно, мамаша, беспокоитесь, – ответил военный. – Какая тут может быть обида!

– Ну вот и хорошо, – сказала бабушка. – Благодарствуйте.

Стемнело. На вокзале зажглись огни. В их жёлтом свете сиял, как лёд, сырой от дождя перрон. Поезд тронулся. Бабушка побежала за вагоном. Она кричала: «Дочка моя! Доченька моя дорогая!» – и хватала на бегу проводницу за рукав, как будто от неё зависело уберечь здоровье и счастье мамы. А мама стояла в тамбуре за проводницей и говорила:

– Мамочка, не надо. Мамочка, оставь. Мамочка, я ведь не одна, неудобно... Не надо, мамочка!

Поезд ушёл в темноту. Галя и бабушка ещё долго стояли на перроне и смотрели на красный убегающий огонёк. И тут только Галя поняла, что мама уехала, совсем уехала. Без неё. И громко заплакала. Бабушка взяла её за руку и повела домой. Тихо-тихо повела. Бабушка не любила ходить быстро.

Глава третья

А мама в это время всё ехала и ехала. В вагоне было почти совсем темно. Только где-то под самым потолком светился, мигая, фонарь. И оттуда вместе со светом шли облака махорочного дыма. Все скамейки были уже заняты. Мама сидела на своём чемоданчике в коридоре вагона, увозившего её на фронт. Она вспоминала, как бабушка бежала за поездом в своём развевающимся платке, вспоминала круглое личико Гали, её растопыренные руки, пальтишко, перехваченное под мышками тёплым вязаным шарфом, и ножки в маленьких тупоносых калошах... И она шептала, как бабушка: «Дочка моя, доченька моя дорогая!..»

Поезд шёл мимо голых деревьев, шумел колёсами и катил вперёд, всё вперёд – на войну.

Глава четвёртая

Есть на свете суровый, холодный край, называемый Дальним Севером. Там нет ни лесов, ни полей – есть одна только тундра, вся затянутая ледяной корой. Море, которое омывает этот студёный край, называется Баренцевым. Это холодное море, но в нём проходит тёплое течение Гольфстрим, и от этого море не замерзает. Там стоял во время войны наш Северный флот.

Галина мама получила приказ быть связисткой при штабе флота. Штаб связи помещался в скале – в самой настоящей серой гранитной скале. Матросы вырубili в ней глубокую пещеру. У входа всегда стоял часовой, а в глубине, под тяжёлым сводом, девушки-связистки днём и ночью принимали и передавали шифровки.

«Вот если бы моя Галя увидела, куда я попала! – иногда думала Галина мама. – Какая тут пещера и какие скалы!.. Когда будет можно, я ей про это напишу».

Но шла война, и писать о том, в какой пещере помещается штаб, было нельзя, да Галиной маме и некогда было писать длинные письма. То нужно было стоять на вахте, то дежурить на камбузе – так у флотских называется кухня, – то ехать по заданию начальника в город Мурманск или на полуостров, где держала оборону морская пехота и где шли в то время самые горячие бои.

Глава пятая

И вот однажды Галина мама поехала верхом на лошади отвозить важный пакет в боевую охрану Рыбачьего полуострова. Вокруг неё было огромное белое поле, пустое и ровное. Только далеко, там, где небо упирается в землю, стояли неровными зубцами горы. Это был хребет Тунтури. Нигде не росло ни деревца, ни кустарника. Снег и камень лежали на белой равнине. И шёл по равнине колючий ветер и бил в глаза лошадёнке и Галиной маме. И было так пусто кругом! Даже птицы не было видно в синем небе. Лошадь проваливалась в сугробах и уходила в талую воду по самое брюхо. С правой стороны в тундру врезался залив. Берег был однообразный: щебень и галька.

– Ну, ты, пошла, пошла! – понукала Галина мама свою лошадку. И вот они выбрались к самому заливу – лошадь со взмокшим брюхом и мама в разбухших от воды сапогах.

Залив был гладкий, как лист глянцевитой бумаги. Высокое, синее, поднималось над ним небо. От синевы щемило в глазах и в сердце – так чист, так спокоен был небесный купол. И вдруг воздух дрогнул. Откуда-то, со стороны Тунтурей, прилетела мина. С грохотом брызнули в небо камни и снег. Лошадь прижала уши, и мама почувствовала, как она дрожит.

– Ну, старушка родная, гони! – закричала мама и изо всех сил пришпорила лошадь.

Лошадь дёрнулась, кинулась вскачь, хрипя и спотыкаясь. А вокруг них земля дрожала от новых взрывов. Это фашист, который засел на сопках, обстреливал сверху подходы к нашим землянкам, чтобы никто не мог ни подойти, ни подъехать к ним.

Не успела мама отъехать от первой воронки и десяти метров, как что-то словно стукнуло её по плечу. Лошадь всхрапнула, взвилась на дыбы, а потом сразу упала на снег, подогнув передние ноги.

Мама сама не знала, долго ли она пролежала на снегу. Время было весеннее, солнце в тех краях весной и летом не заходит, и она не могла угадать, который теперь час. А часы у неё сломались. Она очнулась не то от боли в плече, не то от холода, не то просто так. Очнулась и увидела, что лежит на взрытом снегу, рядом со своей убитой лошадкой. Маме очень хотелось пить.

Она пожевала снегу, потом потихоньку вынула ногу из стремени, поднялась и пошла вперёд. Рукав её куртки совсем взмок от крови. Её тошнило. Но мама не возвратилась в штаб и даже ни разу не обернулась, не подумала, что можно возвратиться. Она шла вперёд, всё вперёд, одна в пустынном и белом поле. А вокруг неё тундра так и гудела от взрывов. Мёрзлые комья взлетали до самого неба и, дробясь на куски, валились вниз.

Мама шла очень долго. Она с трудом переставляла ноги и думала только одно: «Ну ещё десять шагов! Ну ещё пять! Ну ещё три!» Она сама не поверила себе, когда увидела наконец, что беловато-серые зубцы гор совсем близко подступили к ней. Вот уже виден и жёлтый дым наших землянок. Ещё сто раз шагнуть – и она пришла.

– Пришла!.. – сказала мама и упала в снег: ей стало совсем худо.

Минут через сорок бойцы заметили издали на снегу её чёрную шапку-ушанку. Маму подняли и понесли на носилках в санитарную часть. В санчасти на маме разрезали куртку и под курткой нашли пакет, который она принесла из штаба.

Глава шестая

В Куйбышеве бабушка и Галя получили письмо – не от мамы, а от начальника госпиталя. Сначала они очень испугались и долго не могли понять, что там написано. Но потом всё-таки поняли, что Галина мама ранена, упала с лошади и чуть не замёрзла в снегу.

– Так я и знала! Так я и знала! – плача, говорила бабушка. – Чужло моё сердце!

– Моя мама ранена, – рассказывала Галя во дворе. – Мы так и знали!

Соседские девочки, которые отправляли подарки бойцам на фронт, сшили для мамы кисет и вышили: «Смело в бой, отважный танкист!» Они не знали, что Галина мама была связисткой.

Кисет с махоркой девочки отдали Галиной бабушке. Бабушка высыпала махорку и положила в кисет носовые платки, гребешок и зеркальце.

А потом Галя поехала с бабушкой в Москву, где лежала в госпитале мама. Они остановились у родных, в Большом Каретном переулке, и каждый день ездили на троллейбусе номер десять навещать маму. Бабушка кормила маму с ложечки, потому что мамины больные, отмороженные руки ещё не двигались. А Галя стояла рядом и уговаривала её, как маленькую: «Ну, съешь ещё немножечко! Ну, за меня! Ну, за бабушку!..»

Глава седьмая

И вот мама почти совсем поправилась. Её выписали из госпиталя и дали ей отпуск на месяц. Она опять научилась быстро ходить и громко смеяться, только руки у неё ещё негнулись, и бабушка причёсывала её и одевала, как раньше одевала и причёсывала Галю. А Галя возила её через день в госпиталь на электризацию, брала для неё в троллейбусе билет, открывала ей двери, застёгивала на ней шинель. И мама называла её: «Мои руки».

Как-то раз мама получила открытку, на которой красивыми лиловыми буквами было выстукано по-печатному: «Уважаемый товарищ, вам надлежит явиться в наградной отдел такого-то числа, в три часа дня». Открытка была послана несколько дней назад, но пришла с опозданием. Такое-то число было уже сегодня, а до трёх часов оставалось всего полтора часа.

Мама, Галя и бабушка поскорей оделись и поехали в наградной отдел. Они приехали без десяти три. Галя с трудом оттянула тяжёлую дверь, и они с мамой вошли в подъезд. А бабушка не захотела войти.

– Я лучше здесь подожду, – сказала она. – Уж очень я волнуюсь.

У вешалки с мамы сняли шинель, а Галя сама сняла свой тулупчик. И тут всем стало видно, что под шинелью у мамы – красивая, парадная форма офицера Военно-Морского Флота, а под тулупчиком у Гали – матросская блуза, перешитая бабушкой из маминой краснофлотской фланелевки.

– Глядите-ка! Два моряка! – сказала гардеробщица.

Они поднялись по широкой лестнице. Впереди шла мама, осторожно неся свои руки в перевязках, а сзади – Галя. За дверью сказали: «Прощу!» – и они вошли.

У стола сидел человек. Перед ним лежала белая коробочка. Всё сияло на человеке: золотые погоны, два ряда пуговиц, золотые нашивки на рукавах и много орденов. Галя и мама остановились у дверей. Галя посмотрела на маму. Мама была так красиво причёсана! Над воротом синего кителя виднелся край крахмального воротничка. Из бокового кармана торчал платочек. А в кармане юбки – Галя это знала – лежал подарок куйбышевских ребят: кисет с надписью «Смело в бой, отважный танкист!». Как жалко, что кисета не было видно!

Мама стояла навытяжку. Рядом в матросской куртке стояла навытяжку Галя. Человек покашлял и взял коробочку. Он сказал:

– За ваши заслуги в борьбе с захватчиками... – и протянул коробочку.

Но мамины руки лежали в чёрных перевязках. Они были в рубцах и лилово-красных пятнах, похожих на ожоги. Они защищали Родину, эти руки. На них остался багровый след её холодов и вражеского огня. И человек, стоявший против мамы, на минуту задумался. Потом он шагнул вперёд, подошёл прямо к Гале и отдал коробочку ей.

– Возьми, девочка, – сказал он. – Ты можешь гордиться своей мамой.

– А я и горжусь! – ответила Галя.

Но тут мама вдруг отчеканила по-военному:

– Служу Советскому Союзу!

И они обе – мама и Галя – пошли к двери. Впереди шла Галя с коробочкой, сзади – мама с руками в перевязках. Внизу, в подъезде, Галя открыла коробочку. Там был орден Отечественной войны – единственный орден, который передаётся по наследству детям.

У входа их поджидала бабушка. Она увидела мамин орден и громко заплакала. Все прохожие стали на них оглядываться, и мама сказала бабушке:

– Мамочка, не надо! Перестань, мамочка! Я ведь не одна. Таких много... Ну, не плачь, право же неудобно!..

Но тут какая-то пожилая женщина, проходившая мимо, заступилась за бабушку.

– Отчего же! – сказала женщина. – Конечно, матери очень лестно. И не захочешь, да заплачешь!

Но Галиной бабушке так и не удалось поплакать вволю на улице. Галя тянула её за рукав. Она торопилась домой, в Большой Каретный. Ей хотелось скорее-скорее рассказать во дворе всем ребятам, как и за что они получили орден.

А так как я тоже живу в Большом Каретном, в том самом доме, в том самом дворе, то и я услышала всю эту историю и записала её слово в слово от начала до конца – по порядку.

Стихи о войне.

Шинель

Почему ты шинель бережешь? -
Я у папы спросила. -
Почему не порвешь, не сожжешь? -
Я у папы спросила.

Ведь она и грязна, и стара,
Приглядишься-ка получше,
На спине вон какая дыра,
Приглядишься-ка получше!

Потому я ее берегу, -
Отвечает мне папа, -
Потому не порву, не сожгу, -
Отвечает мне папа. -

Потому мне она дорога,
Что вот в этой шинели
Мы ходили, дружок, на врага
И его одолели!

(Е. Благинина)

День Победы

Что такое День Победы?
Это утренний парад:
Едут танки и ракеты,
Марширует строй солдат.

Что такое День Победы?
Это праздничный салют.
Фейерверк взлетает в небо,
Рассыпаясь там и тут.

Что такое День Победы?
Это песни за столом,
Это речи и беседы.
Это дедушкин альбом.

Это фрукты и конфеты,
Это запахи весны...
Что такое День Победы –
Это значит нет войны.

(А. Усачёв)

Приснилось мне

Приснилось мне, приснилось мне
Как будто я на той войне.
Вдруг вижу – папа молодой,
Тогда еще не папа мой,
Такой смешной, такой худой,
И совершенно не седой.
Среди разрывов и огня
Идет, не зная про меня.

Приснилось мне, приснилось мне,
Я папу видел на войне.
Идет куда-то в сапогах
Не на протезах.
На ногах.

(П.Давыдов)

Вместе с дедушкой

Растаял утренний туман,
Красуется весна...
Сегодня дедушка Иван
Начистил ордена.
Мы вместе в парк идем
Встречать
Солдат, седых, как он.
Они там будут вспоминать
Свой храбрый батальон.
Там по душам поговорят
О всех делах страны,
О ранах, что еще болят
С далеких дней войны.
Походы вспомнят и бои,
Окопный неуют,
И песни brave свои,
Наверное, споют.
Споют о мужестве друзей,
Что в землю полегли;
Споют о Родине своей,
Что от врагов спасли.
Спасли народы разных стран
От рабства и огня...
Я рад, что дедушка Иван
Берет с собой меня.

(Г. Ладонщиков)

НИКТО НЕ ЗАБЫТ,
НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!

